Торжества в честь 25-летия фонда "Музыкальный Олимп" перенесены на 2021 год, на посткоронавирусную эпоху. То будет блестящее действо, музыкальный фестиваль с одноимённым названием "Музыкальный Олимп" — законодатель классического музыкального искусства, что состоится на берегах Невы, в Санкт-Петербурге, с участием звёздных солистов из разных стран мира.

Однако и на ближайшую осень уже запланированы концерты пианиста Андраша Шиффа в Москве и Санкт-Петербурге; декабрь, если не обманет, порадует гастролями молодёжного оркестра "Западно-восточный диван" под управлением Даниэля Баренбойма. Швейцарская Ассоциация друзей фестиваля "Музыкальный Олимп" со своей стороны готовит серию концертов, которые традиционно пройдут в городах Европы. Такова публичная блестящая, помпезная сторона деятельности фонда "Музыкальный Олимп".

Но есть и другая сторона — камерная, представленная телевизионной передачей "Энигма", которая каждую неделю по четвергам выходит на канале "Культура". Её автор и ведущая — Ирина Никитина. Президент фонда "Музыкальный Олимп", глава попечительского совета Международного телевизионного конкурса юных музыкантов "Щелкунчик", пианистка — окончила аспирантуру Санкт-Петербургской консерватории, стажировалась в Праге, Берне. Её персональная дискография насчитывает тринадцать альбомов — сольных и в составе камерных ансамблей, записанных на CD ведущими лейблами звукозаписи.

Профессионализм, безупречность вкуса и стиля — отличительные черты передачи, гости которой — как легендарные, прославленные имена, так и только покоряющие вершины музыкального Олимпа — острова высокого искусства в океане попсы.

"Энигма" от латинского слова enigma — загадка. И мне действительно трудно объяснить, каков внутренний механизм передачи, способный трансформировать её в нечто сокровенное, в уединённые размышления о музыке как о великой абстракции, о непостижимости тайны звука, хранящего в себе проблеск Вечности.

С просьбой поделиться секретами мастерства я обратилась к Ирине Никитиной ещё в марте. Коллапс эпидемии ковида застиг нас по разные стороны границы. И наша беседа растянулась на долгие месяцы, вылилась в электронную переписку, которую с любезного согласия Ирины и предлагаю читателям газеты "Завтра". Речь пойдёт об исполнительнице фаду Мизии и о дирижёре Риккардо Мути.

ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

К 25-летию фонда «Музыкальный Олимп»

"ЗАВТРА". Ирина, впервые увидев передачу с Мизией, я ощутила нечто вроде солнечного удара. С первым кадром — залитой солнцем площадкой Лиссабона, нависшей над морем, с фигурой Мизии, затянутой в чёрный брючный костюм и белую блузу, с её стрижкой десятых годов XX века и её первой фразой: "Закаты здесь невероятные…" — возникло ощущение стеклянной хрупкости и интриги вашей беседы. Где вы встретили такой персонаж, как вы познакомились с Мизией?

Ирина НИКИТИНА. Случайно познакомились. Это был год, наверное, 2000-й, я находилась в Люцерне, и меня пригласили на концерт. Тогда я впервые услышала Мизию и… реально сошла с ума. Столь проникновенного, за душу берущего исполнения песен никак не ожидала встретить. Я открывала для себя мир фаду, при этом ни слова не понимая по-португальски…

Фаду — жанр совсем молодой. Ему чуть больше ста лет. Он зародился в портах Лиссабона. Фадишта (исполнитель фаду) под португальскую гитару напевал на незамысловатые мелодии строки простых стихотворений, в них была и радость, и боль, с ними он выражал саму португальскую душу, превратности судьбы, которую, как впоследствии мне рассказала Мизия, в Португалии принято встречать in cito, то есть не сходя с места, без лишних жестов. В самом слове fado заключены фатум, судьба.

Будучи исконным, народным жанром, фаду быстро вошёл в моду. "Дома фаду" (Clube de Fado) стали открываться в городах, жанр переступил и порог аристократических салонов, где исполнение фаду сопровождал рояль. В какое-то время на фаду лежала печать "любимой музыки диктаторов"… Так или иначе, фаду приобретал широкую известность.

Как "королева фаду" известна Амалия Родригес. Витальная, стабильная, скульптурного телосложения, она была в 50–70-е годы народной фадиштой, как, например, Людмила Зыкина для нас. Она была очень респектабельна, уважаема, на сцену выходила в элегантных платьях, с изысканными украшениями, у неё был прекрасный дом, замечательный муж, её обожающий. Детей у Амалии не было, но было много родственников, и каждому она помогала… Просто абсолютная народная героиня. В Лиссабоне открыт музей Амалии Родригес, в её честь названы улицы городов.

"ЗАВТРА". И это при незамысловатых мелодиях песен. Что определяет успех исполнителя?

Ирина НИКИТИНА. Я думаю, прежде всего — личность исполнителя. Зритель либо оказывается под силой её магнетизма, внутреннего огня, и тогда как заворожённый следует за силовыми линиями мира чувств, эмоций, либо чуда фаду не происходит, и зритель остаётся равнодушным.

И если говорить о Мизии, то магнетизм её — невероятный. С одной стороны, она строго блюдёт традиции жанра, с другой — непроизвольно привносит изменения, обогащает слоями культуры.

Современные поэты специально для Мизии пишут стихи. Жозе Сарамагу — знаменитый португальский писатель, лауреат Нобелевской премии, с которым Мизия была дружна, посвятил ей стихотворение "Ни одна звезда не упала"…

Перекличка эпох, символизм, мистицизм присущи фаду Мизии. Один из её дисков так и называется — "Ритуал".

"ЗАВТРА". Находит ли ритуал внешнее выражение?

Ирина НИКИТИНА. Более чем. Прежде чем выйти на сцену, Мизия снимает с руки часы, а в то время, когда была замужем, то снимала и обручальное кольцо… Для фаду — она без времени и свободна. Она поёт с закрытыми глазами так, чтобы пением выразить ту реальность, похожую на сон, когда маленькой девочкой в родном городе Порту она впервые услышала уличное исполнение фаду.

Ну и, конечно, Мизия — человек мессианский. Свою миссию она видит в том, чтобы подарить фаду всему миру. Она даёт концерты в разных городах и странах на престижных филармонических площадках, снимается в кино, а когда в Лиссабон приезжают её дорогие друзья, то для них она поёт в "Доме фаду", как это было принято на заре XX века. Она и в жизни любит символы, знаки, коллекционирует предметы — зонты, веера — такие, что способны однажды раскрыться…

"ЗАВТРА". Когда слушаешь Мизию, начинает щемить сердце.

Ирина НИКИТИНА. Мизия — из девушек трудных, светло-тёмных, из череды Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Зинаиды Гиппиус — этих прекрасных див Серебряного века. Её дихотомию определили взрывной коктейль из португальской и испанской крови и происхождение из различных социальных слоев. Отец — из рода старой буржуазии Порто, в доме был принят британский порядок, включая непременный файф-о-клок. Прежде чем привезти Мизию в дом отца, её переодевали в строгий костюм с клетчатой юбкой-шотландкой, но здесь она оказывалась чужой, родственники смотрели на неё как на аутсайдера. А мама — невероятная красавица — была испанской танцовщицей, с мамой можно было танцевать в яркой широкой юбке под щёлканье кастаньет.

Родители развелись, когда Мизии было четыре года, она безоговорочно приняла мир мамы. Так и формировалась её душа. Изломанная, разорванная, со стремлением вырваться куда-то — в фантазии, в другие миры, в иную реальность. Фаду и стал тем насочинённым миром, Её настоящее имя Сюзанна. Мизия — псевдоним. Производное от Миси Сёрт.

"ЗАВТРА". Не чуждого России персонажа.

Ирина НИКИТИНА. Да, Мися родилась в Царском Селе, была петербурженкой. Мися — уменьшительно-ласкательное имя от Марии…, Мария Годебска. В Париже она держала литературный и музыкальный салон, вокруг неё собирался художественный мир эстетики невероятной. Была подругой Шанель, Стравинского, Жана Кокто. Стала подругой и Дягилева, помогала ему войти в аристократические круги Парижа, приобрести в их лице меценатов.

Если говорить о нашей Мизии, я думаю, псевдоним для неё — ширма, красиво инкрустированная ширма, за которой она прячет свою ранимую душу. Она невероятно тонкий, чувствительный человек в нашем практичном, толстокожем мире. Такие появляются на исторических изломах, что предвещают кризисы, турбулентность.

«Энигма» Ирины Никитиной. Гость передачи — великий дирижёр Риккардо Мути.

Мизия — фигура одиночества. Фигура трагическая. Она чувствует, улавливает энергии, в которых, наверное, страшно жить…

Вы знаете, мы гуляли по узким мощёным улицам Лиссабона, беседа продолжалась, и вдруг у меня случайно вырвалось: "Мизия, у вас старая душа". Она прямо вздрогнула и говорит: "Да, я себя так чувствую"…

Я даже за балетных меньше переживаю, чем за неё. Балет — это всё-таки физическая нагрузка, в движение можно выплеснуть отрицательные потоки. А здесь — одна оголённая душа наедине сама с собой.

"ЗАВТРА". Искусство подчас жестоко к своим жрецам. Коварный шедевр Адана не только Спесивцеву, но и Софью Фёдорову, балерину Большого театра, довёл до помутнения рассудка. Она сознательно утрировала сцену сумасшествия Жизели, потусторонних наваждений, брала себя в плен "страданий и слёз, льющихся по земле великой рекой жизни".

Ирина, чтобы и мне не погрузиться в наваждение "Жизели", хотела бы перейти к другой вашей передаче, с Риккардо Мути. Мне не забыть приезда маэстро в Москву в 2012 году, концерта в Большом зале Консерватории. Я тогда купила билет у какого-то спекулянта, оказалась на самой галёрке, выше люстр. Весь концерт я простояла у стены, и казалось, как кариатида, спиной держу своды Консерватории, музыки, вечности. Это был удивительный, незабываемый опыт.

Потом он приезжал в Клин, на Международный фестиваль, посвящённый 75-летию Чайковского, с Венским филармоническим оркестром давал Пятую симфонию… Хотела бы спросить, в беседе с ним вы ощущали его тёплые чувства к России?

Ирина НИКИТИНА. Достаточно сказать, что одной из ключевых персон в судьбе Риккардо Мути стал наш Святослав Рихтер. Нино Рота угадал в Мути, совсем ещё мальчике, большого музыканта. Будучи директором консерватории в Бари, на вступительном экзамене он поставил Мути высший балл — десять с отличием. "Эта оценка тебе не за то, как ты сегодня сыграл, — сказал при этом, — а за то, как ты будешь играть завтра".

А Святослав Рихтер открыл для Мути путь великого дирижёра. Это случилось в 1968 году. В то время Рихтер был уже прославленным во всём мире музыкантом, а Мути только начинал свою творческую карьеру, незадолго до этого получив диплом пианиста в Неаполе. И вот Рихтер приехал в Сиену, готовился к концерту во Флоренции, и кто-то в качестве дирижёра посоветовал ему Риккардо Мути.

Вместе, в зале консерватории, они сыграли си-бемольный концерт Моцарта, фортепианный концерт Бриттена, после чего Рихтер сказал: "Я принимаю предложение. Если он дирижирует так же, как и играет на рояле, то это хороший музыкант". Последовал творческий взлёт Мути и дружба с Рихтером.

Рихтер и Нино Рота были гостями на свадьбе Мути, самой интересной, наверное, свадьбе. Дружеский ужин устроили в одном из ресторанов Равенны, и в какой-то момент Рота и Рихтер устроили музыкальную головоломку, соревнования. Один проигрывал на фортепиано два-три такта оперы, другой должен был её определить и продолжить. Ближе к часу ночи соревнования всё продолжались, Мути нервничал, ему предстояла настоящая первая брачная ночь, а через день — опера "Пуритане" в Риме. И когда они с женой стали уходить, то Рота и Рихтер в четыре руки сыграли Ritorno Vincitor ·из "Аиды" — "Возвращайся победителем". А соревнование продолжались до четырёх утра.

"ЗАВТРА". Вот так увлечённо продолжалась и ваша беседа?

Ирина НИКИТИНА. Без остановки, без глотка воды, я старалась задавать меньше вопросов, чтобы не перебивать. Только после трёх часов записи передачи Мути посмотрел на часы и произнёс: "Три часа! Не может быть! Мамма миа!" И наш разговор затянулся ещё на полтора часа. Потому "Энигма" с Мути и вышла в двух частях.

"ЗАВТРА". Слушать неспешную, продуманную, мелодичную речь Риккардо Мути — это наслаждение. Как точно он говорит о "безупречном технологичном мире", что делает мир — миром молчания, ведёт к деградации культуры… И уж совсем меня пленила кода первой части "Энигмы". Запомнила наизусть: "Если у вас будет возможность послушать "Норму" ночью, на Капри, в полной тишине и при полной Луне, восходящей над морем, то вы поймёте: Casta Diva и есть молитва Луне, вы поймёте, что такое средиземноморская культура". Ария Casta Diva звучала в исполнении божественной Каллас. Как будто из частиц туманов складывались видения "Рождении Венеры" Боттичелли, "Царевны-Лебедь" Врубеля, мусатовские дворцы-призраки.

Ирина НИКИТИНА. Интересно, что года за два, за три до записи передачи я побывала на Зальцбургском фестивале. Риккардо Мути специально для фестиваля выбрал русскую музыку, ораторию "Иван Грозный" Прокофьева, а в качестве чтецов были приглашены Депардье и немецкий артист Йозеф Лейферс.

Честно говоря, увидев такой состав, сомнения закрались в душу. Созвучным ли окажется для оратории иностранный акцент? Я зашла в зал зальцбургского Groosses Festspielhaus с большим недоверием, а вышла под не менее большим впечатлением. Вместе с Венским филармоническим оркестром, хором Венской оперы и нашими солистами Ольгой Бородиной и Ильдаром Абдразаковым маэстро сделал что-то невероятное.

"Как удалось вам, — спросила я Мути после концерта, — выразить то варварство, ту азиатскую дикость, что передана в оратории?" "Ну, потому что я сам варвар, — ответил он с усмешкой. — Я — варвар!"…

А для меня Риккардо Мути — это такой могучий дуб с широкой кроной, с огромными корнями… Каждому он даёт пищу для размышления.

"ЗАВТРА". Жаль, что оратория "Иван Грозный" так и не доехала с Зальцбургского фестиваля в Александров. Город штурмом бы брали, и не только меломаны… Ирина, в поисках сюжета для передач значительное время вы проводите в разных странах, уголках мира. Насколько сильно, на ваш взгляд, проникновение русской культуры в мировую?

Ирина НИКИТИНА. Возможно, свою роль сыграл мой город, Петербург, где я родилась и выросла, абсолютно европейский город. Но я — не сторонник делить культуру на русскую и мировую. Происходит активное взаимопроникновение культур, ассимиляция, тем более с развитием интернета.

Ведь если мы честно посмотрим сегодня: чем была бы американская культура без русских? Без Рахманинова, без Кусевицкого, без Баланчина, без постоянного "Щелкунчика" Чайковского на Рождество? Но ведь и мы восхищаемся Хемингуэем, Джеком Лондоном, О`Генри, воспринимаем их произведения как свои, забывая, что они — американские писатели. Глобализация мира давно началась, и началась она с культуры.

"ЗАВТРА". Ещё хотела бы спросить вас о положении дел с виллой "Сенар" Сергея Рахманинова в Швейцарии?

Ирина НИКИТИНА. Это очень грустная история. С ней я была лично связана, потому что дружила с Александром Рахманиновым, внуком композитора. В 2005–2006 годах он дважды приезжал в Россию с предложением приобретения виллы, созданием музея Рахманинова. Он хотел продать виллу именно русским, и я помогала ему знакомствами с различными структурами, которые могли бы быть в том заинтересованными. Но всё ушло в никуда…

Сейчас ситуация плачевная. Александр Рахманинов умер, вместо двух наследников объявилось четыре, цена виллы поднялась в три раза. Да и, по моим сведениям, швейцарский кантон уже сам не заинтересован в продаже виллы. Упустили шанс.

"ЗАВТРА". Ирина, и о насущном. О чём вы задумывались на пике пандемии, глобального карантина?

Ирина НИКИТИНА. Знаете, во время этой пандемии я часто думала о том, насколько мир оказался единым. И хрупким. Мы делим мир на своих и чужих, придумываем себе врагов, ведём войны…, а вдруг появляется мельчайший, невидимый вирус, и мир превращается в пустыню.

"ЗАВТРА". Всё же будем надеяться на лучшее, Ирина! Спасибо за беседу!

Беседовала
Марина АЛЕКСИНСКАЯ

ПРИПАДОЧНЫЕ

Случай М. Ефремова

Криминальное происшествие с Михаилом Ефремовым не уходит из поля зрения средств массовой информации. Недавние громкие заявления о невиновности актёра в силу того, что это якобы был эпилептический припадок, случившийся во время управления автомобилем, опровергнуты адвокатом самого обвиняемого. Однако очевидно, что Ефремов принадлежит к той узкой консолидированной прослойке, которая старается вытащить своих (таких, например, как Кирилл Серебренников) из любых неприятностей.

ПОСЛЕ прочувствованного обращения Михаила Ефремова, где он энергично и достоверно каялся, блогерско-творческая среда возрыдала на все лады. Общество же как таковое оценило лишь хорошее качество игры. Если хипстеру-на-коворкинге неясно, то разжую: актёр советской драматической школы, да ещё и не самый плохой, сыграет вам что угодно — от фонарного столба до Фауста Гёте.

Ефремов — умелый и крепкий лицедей. Не гениальный, каким был его папа (тот умел вызывать слёзы одним своим молчанием в "Трёх тополях на Плющихе"), но и не сериальный попрыгунчик. Неудивительно, что Михаил Олегович стойко отыграл свою, быть может, наиболее важную роль.

Почему же основная масса — которая и есть "зритель" для артиста! — не особенно прониклась грамотно выстроенными предложениями трезвого Ефремова? Потому что человек всегда сочувствует тому, с кем лично себя ассоциирует, даже если речь заходит о преступнике, ибо сочувствие никак не связано с такими понятиями, как законность, право, статья Уголовного кодекса и так далее.

Сострадание — иррационально. А потому слова — не работают. Лишь — ощущения, сопричастность, подсознательная тяга или же — отторжение. "Деточкин нарушал закон, но из благородных намерений", — произносил когда-то другой Ефремов в роли следователя Подберёзовикова.

Люди в зале суда и в кинозале ассоциировали себя именно с Деточкиным, а не с теми хапугами, у коих скромный и тихий вор-Гамлет уводил их "нечестные" автомобили. И то нам показали, что Деточкин всё же отсидел — dura lex sed lex. Закон вовсе не дура, он — суров, однако он — закон. Обязателен к исполнению.

И вот мы видим расклад, где снова фигурируют автомобили и — Ефремов. На этот раз — младший. Но в иной ипостаси. Это не фильм, а страшная реальность. Народ выслушал, посмотрел и… не принял извинений. Пусть решает суд. Мы не можем поставить себя на место Михаила — обеспеченного, на джипе, "своего парня для крутых либеральных господ". Человека, полагающего, что ему-то уж точно всё можно.

Мы автоматически ставим себя на место Захаровых — тех многочисленных и незаметных, кого довольно легко обидеть, а то и случайно угробить (к слову, не правы те журналисты, что именуют Ефремова убийцей — по УК это совсем другая статья, не 105-я).

Так уж случилось, что социум оказался почти стопроцентно на стороне жертвы, а вся история с Михаилом Ефремовым высветила грани бытия, вообще никак не связанные с ночной трагедией на Смоленской площади. Тут уже дело не в самом устроителе дорожно-транспортного ада — здесь оказалась важна реакция общества и так называемой "творческой интеллигенции". На мой, возможно, убогий взгляд, в современной РФ практически отсутствует как творчество, так и, собственно, интеллигенция, а потому устойчивый оборот взят в жирные кавычки.

О нет! Она — интеллигенция — конечно, есть, ибо её не может не быть в России, однако эта прослойка не блещет медийностью, не лезет в кадр, что в условиях информационного общества — нулю подобно. Зато наличествуют персонажи, коих принято считать музыкально-литературно-театральной элитой. Вот они-то и выступают в поддержку "бедного Миши", который, как выясняется, "убил себя". Не Сергея Захарова (это — так, мелочи быта), а именно себя, прекрасного. Дивного и безупречно талантливого.

Но самое чудовищное, что все радетели повторяют одну и ту же — библейскую — истину: про швыряние камней, коли ты сам без греха. Вот, например, певица Диана Арбенина, популярная в ультралиберальных кругах (к слову, не все записные либералы метнулись рыдать по Ефремову — нашлись и адекватные): "И в этой истории уже сказано всё, кроме одного: а мы с вами сами-то без греха? Без грешочка? Мы никогда не напивались? Мы не совершали безумства? Мы никогда не садились пьяными за руль? Не попадали в ДТП?"

Мадам (или мадемуазель? Или кто?) Арбенина не видит самой трагедии — в её музыкальных мозгах звучит иная тема. Все мы — пьяные-помятые, катаемся по Москве в состоянии алкогольного недоумения, а потому неча на зеркало пенять, коли рожа… того. Или, как восклицал герой фильма "Покровские ворота" куплетист Велюров: "А кто не пьёт? Назови! Нет, я жду!"

То есть куплетистка… пардон, глубокомысленно-эстетная исполнительница философических песен Диана Арбенина, решила всех "повязать" общим пороком, ею же и придуманным. Лично я не знаю людей, которые водили бы авто после бокала вина, не говоря уже о предварительном загуле "в стельку".

Но и этот пассаж не так чудовищен, как сама постановка темы — увод её в сторону этики, религии, морали. Бренчащие и пописывающие ребятки упорно не хотят видеть нормы Уголовного кодекса, жонглируя на публике терминами и понятиями.

Понятия! Житуха по понятиям! Ефремов — несчастный, гениальный, ранимый. И потому: не критикуйте и развяжите. Вы — кто? Трезвенник? Да, я трезвенник и даже не язвенник. И полагаю, что никакого снисхождения к сыну гениального Олега Ефремова быть не должно — ни правового, ни нравственного.

И это не травля и не "отместка быдла" за high-life и езду на джипе — это нормальное обращение к законодательству как к регулятору человеческих отношений.

Галина ИВАНКИНА

Искры

ИМПЕРИЯ ГЛАЗУНОВА

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ Глазунов — дивный человек, благородная душа, изумительный художник. Мы дружили с Ильёй Глазуновым, хотя он был старше меня, куда более мастит, овеян обожанием и славой. Я — сталинист, он — ненавистник всего советского. Что нас связывало? И он, и я были русскими империалистами: один — под двуглавым орлом, другой — под рубиновой звездой.

Впервые я увидел Глазунова, когда был ещё очень молодым человеком. Вместе с приятелем мы посетили его знаменитую мастерскую в башне Моссельпрома, что на Арбате. Глазунов был молод, свеж. Меня поразили его аристократическое лицо, удивительно изысканная русская речь. Он поставил на проигрыватель пластинку с записью донского хора — не того, что поёт сегодня в Ростове, а того, что пел за границей, был собран из казаков, ушедших из России вместе с белой армией.

Он показал нам свою коллекцию икон — ошеломляющую, изумительную. Эти огненные Спасы, лазурные Троицы, всехсвятское многоцветие. Он был из тех городских интеллигентов, из их первой, самой ранней волны, что пошли из городов на Русский север, в заповедные русские леса, где погибали брошенные и разорённые церкви. Он был не просто собирателем икон. Он был собиратель того рассыпанного и разбросанного по городам и весям русского начала, которое попиралось, подвергалось забвению. Ни одно русское движение — большое или малое — не обходилось без Ильи Сергеевича Глазунова, который был если не членом этого движения, то советником, наставником, пастырем. "Общество охраны памятников" или "Память", или "Русское национальное единство", или множество русских художников, писателей, музыкантов — все побывали у Глазунова, все припали к этой духовной русской иконе.

В моём домашнем киоте среди прочих не слишком древних икон есть одна, писаная, по-видимому, в начале XX века, подаренная мне Глазуновым. На этой иконе — Александр Невский, мой небесный покровитель. И теперь каждый раз, вставая перед иконостасом, я смотрю на него и вспоминаю Илью Сергеевича Глазунова. Ведь всякое доброе воспоминание об усопшем есть молитва о нём.

Он допускал меня в свою мастерскую, где стояли на мольбертах ещё не оконченные картины, и позволял присутствовать при работе. Так, я видел одну из последних его картин, посвящённых раскулачиванию. Его огромные мистерии, где на одном пространстве, тесно прижавшись друг к другу, стоят мучители и мученики, святые и воины, проповедники и их гонители. Эти громадные мистерии, построенные во многом по принципам русской иконописи, на одном поле соединяют множество времён, явлений. Они висят в его персональной картинной галерее, что на Волхонке, и он часто и с удовольствием позволял мне среди этих картин устраивать презентации моих книг, собрания моих единомышленников. И эти собрания и презентации на фоне грозных великолепных полотен несли особый метафизический смысл, вливали в наши разговоры и пересуды мистическую животворную энергию русской истории.

Иные люди винят его в том, что он был лоялен к любой власти. Он принимал у себя генсеков и президентов, все они почитали его, помогали ему. Нет, это не была политическая всеядность — он сберегал своё искусство, он окружал своё искусство спасительным магическим кольцом, опирался на власть в своей схватке с гонителями, недоброжелателями, стремящимися закрыть его мастерскую, разогнать стотысячные толпы, собиравшиеся на каждую его выставку.

Он построил себе в центре Москвы усадьбу в стиле тех дворянских усадеб, от которых осталось, быть может, полдесятка. Когда я бывал у него в гостях, он водил меня по бесконечным анфиладам комнат, гостиных, танцевальных залов. Мне казалось, что я попал в усадьбу Шереметева, и удивлялся тому, как Глазунову в этом скопище современных улиц, зданий, посольств, министерств удалось создать таинственный оазис русской классической старины.

По его эскизам был отреставрирован Кремль. В Кремлёвском дворце появились когда-то исчезнувшие залы, и Глазунов создавал их антураж, воспроизводил их эстетику. Но мне всегда было жаль того большого пуританского строгого зала, где проходили заседания партийных съездов, решались проблемы войны, обороны, государственной политики, где выступал Сталин, откуда тысячи людей уходили на великие стройки или в великие гарнизоны. И по сей день, бывая в Кремле и любуясь на глазуновские имперские залы, я тоскую по тому исчезнувшему пространству, где говорилось о пятилетках, о космическом полёте, о превращении Советского Союза в сверхдержаву. Тот пуританский зал был настоящим имперским залом. И нынешним дворцовым палатам ещё предстоит стать намоленными центрами новой русской государственности.

Я писал о Глазунове статьи и очерки в газете "Завтра". После одной из таких работ он сказал, что хочет сделать мой портрет. Я позировал ему. И этот огромный, в золотой раме, портрет висит теперь у меня дома. Я — в малиновой рубахе, и на этой рубахе сидят три бабочки, три крапивницы — бабочки русского рая. И на меня, уставшего, постаревшего, смотрит со стены другой человек — тот, который недвижно сидел перед Ильёй Сергеевичем Глазуновым, а художник, макая в краски кисть, взглядывал на меня, словно вычерпывал и переносил на свой холст мой образ, мою суть, угадывал, как колдун, моё сокровенное. Как же мне его не хватает…

Александр ПРОХАНОВ